

КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ КРАСУХИН

доктор филологических наук, заведующий сектором общей компаративистики

Институт языкоznания Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

krasukh@mail.ru

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ДИАТЕЗА В СВЕТЕ УЧЕНИЯ Г. К. УЛЬЯНОВА И Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА

Рассматривается оппозиция глаголов с полной и нулевой ступенью корневого вокализма в балтийских и славянских языках, впервые подробно описанная в книге Г. К. Ульянова «Значение основ в литовско-славянском языке» (Варшава, 1891–1895) с существенными дополнениями Ф. Ф. Фортунатова. Глаголы с полной ступенью переходны, с нулевой – непереходны, «антикаузативны», обозначаемые ими события суть следствия действий, обозначенных глаголами с полной ступенью. В зависимости от суффиксов, они выражают либо наступление состояния, либо результат действия. С привлечением параллелей из других индоевропейских языков показано, что значение непереходности связано с передвижением ударения на конец словоформы. Актуальность темы связана с важностью реконструкции, охватывающей несколько уровней (в нашем случае акцент, аблaut и морфосемантику), новизна – с последовательным проведением апофонического подхода к морфологии глагола и значению глагольных основ.

Ключевые слова: глагол, морфология, морфонология, залог, диатеза, аблaut

Для цитирования: Красухин К. Г. Балто-славянская глагольная диатеза в свете учения Г. К. Ульянова и Ф. Ф. Фортунатова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 24–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.495

ВВЕДЕНИЕ

Григорий Константинович Ульянов опубликовал 2-томную монографию¹. Она была представлена к соисканию Ломоносовской премии Императорской Академии наук, и недавно избранный ее членом Филипп Федорович Фортунатов написал подробный критический разбор, отметив как высокие достоинства этого труда, так и спорные положения, представив их подробную критику². Рецензия Фортунатова (158 стр.) была напечатана в типографии Академии наук отдельным изданием в 1897 году. Объем статьи не позволяет нам подробно рассмотреть все идеи Г. К. Ульянова и Ф. Ф. Фортунатова. Мы ограничимся только мыслями Фортунатова о первой части работы Ульянова, относящими к развитию противопоставлений по залогам и диатезам балто-славянского глагола, а также их соответствуанию современному состоянию науки. Но и тут придется быть предельно кратким. И книга Ульянова, и комментарий Фортунатова чрезвычайно насыщены идеями, поэтому в небольшой статье можно только очеркнуть основную линию исследования Ф. Ф. Фортунатова и охарактеризовать соотношение основных идей авторов и современных подходов к проблеме.

Ф. Ф. Фортунатов решительно возражает против термина *залог*, используемого Г. К. Ульяновым. Речь идет о том, что в балтийских и славянских языках часто противостоят однокоренные глаголы, выражающие действие и состояние, процесс и результат, причинение действия и само действие. Способы выражения этих категорий различны: чередование гласных в основах, суффиксы в настоящем и прошедшем времени. Некоторые из таких суффиксов неизменны, некоторые появляются только в настоящем или прошедшем времени. Ср. *gul̄ti* (*gul̄ia*, *gul̄ē*) ‘ложиться’ – *gul̄éti* (*gul̄i*, *gul̄éjo*) ‘лежать’, *stóti* (*stója*, *stójo*) ‘становиться’ – *stovéti* (*stóvi*, *stovéjo*) ‘стоять’, *tvér̄ti* (*tvéria*, *tvéré*) ‘схватывать’ – *turéti* (*tūri*, *turéjo*) ‘держать’. Как видим, основными грамматическими способами образования таких пар является суффикс *-ja-* в презенсе переходного глагола, *-é* в претерите. У непереходного или результативного глагола в 3 лице презенса имеется окончание *-i* (о его происхождении ниже); суффикс *-é* распространяется на инфинитив, а в претерите к нему присоединяется дополнительный суффикс *-jo-*, хотя, заметим, в этих оппозициях есть и еще члены. Иногда один из составляющих такой пары

может находиться не в литовском, а в латышском или славянских языках. Так, в литовском языке имеется глагол *aity* (*aīto*, *ávē*) ‘обувать’ – *avéti* (*ávi*, *avéjo*) ‘носить обувь’, – латыш. *aipi/ aiju* ‘я обуваю’, русс. *обую*, ц.-слав. *об-оујь*; в литовском глагол *déti* (*dēda*, *dédē*) ‘ставить, класть’, но *dévéti* (*dévi*, *dévéjo*) ‘носить одежду’. Латышское *déju* ‘кладу’ близко по форме к незасвидетельствованному литовскому глаголу, а ц.-слав. *о-дъյж* – и по значению.

С терминологической точки зрения Фортунатов совершенно прав. Залогом мы называем такую словоизменительную категорию, с помощью которой глагол связан с именами участников обозначаемой им ситуации³. Залог регулирует, какое имя выступает в качестве подлежащего – имя деятеля или претерпевающего, необходимо ли в высказывании имя деятеля вообще и т. д. Названные же глаголы имеют определенные различия в значении. Общим в этих парах является то, что глаголы с *-é-* в инфинитиве означают результат, состояние после действия. Это же причиняющее действие выражается первичными глаголами. Но производные глаголы могут быть переходными (*dévéti*), не меняя субъект при себе (*túpti*, *túpia*, *típē* ‘садиться’ – *tupéti* ‘сидеть’). Поэтому залоговой такую оппозицию считать нельзя. Различие в значениях производных глаголов заставляет видеть здесь не словоизменение, а словообразование. Залог в литовском выражается с помощью возвратной частицы *si/s*, обозначающей разновидности медиального залога, и страдательных причастий, выраждающих пассивный залог. Литовские же глагольные пары противопоставлены *диатезой* – характеристикой глагольного действия. Различия по диатезе семантически близки к залоговым, так как здесь тоже противопоставляются переходность и непереходность, действие, результат и состояние, некоторые составляющие из этих пар имеют значение, которое можно определить как «антикаузативное», то есть непереходное, неконтролируемое, которое часто приобретают глаголы, стоящие в грамматическом пассивном залоге. Далее Фортунатов обращает внимание на то, что эти глагольные пары различаются не столько суффиксом, сколько типом основы, то есть чередованием гласных. Суффикс же (в его нотации) *-ja-* переходных глаголов имеет то же происхождение, что *-ia-* глаголов состояния. Разница только в том, что у первых суффикс безударен, у вторых ударен⁴. Это наблюдение об ударении и чередовании гласных можно положить в основу целого направления в сравнительной грамматике: исследование аблauta в бал-

тийских и славянских языках. Конечно, сейчас нельзя согласиться с мнением об общности происхождения суффиксов *-ja-* и *-ia-* (точнее, *-i-*): мы рассмотрим его происхождение. Но по сути Фортунатов здесь сформулировал одну из важнейших для индоевропейской морфологии и морфонологии оппозиций – противопоставление фонетически идентичных родственных словоформ по месту ударения. Г. Хирт [8: 51–59] подчеркивал морфосемантическую роль акцента и связанного с ним количественного аблauta. В 1935 году Э. Бенвенист [1: 55–58] описал оппозицию тематических имен типа *τόμος* – *τομός* в древнегреческом и древнеиндийском языках, затем стали появляться исследования в области глагола. Все это позволило сформулировать концепцию, с одной стороны, акцентно-аблautных парадигм (из последней литературы – [4]), с другой – аблautно-акцентной парадигмы [3]. Сейчас нет возможностей сравнивать две эти разные концепции, но объединяет их убеждение в морфологической значимости передвижения акцента налево. В сфере глагола оно формирует формы неактивного залога, нереальных наклонений.

Фортунатов, как и Ульянов, не ограничивается только глаголами состояния с суффиксами инфинитивов на *-é-*. Во-первых, имеются глаголы состояния с суффиксом *-o-* (< и.-е. **-ō-/ā-*): *kárti* ‘вешать’ – *karóti* ‘висеть’, *kísti* ‘совать’ – *kýšoti* ‘быть воткнутым, торчать’. Иными словами, речь идет о чередовании **ō/ē*, которое имеет место и в других языках. Во-вторых, и Ульянов, и Фортунатов с полным основанием связали с этими парами также глаголы, поименованные «основами на *-sta-* и носовые». Речь идет о таких парах⁵, как *bérati* (*beržia*, *bérē*) ‘сыпать’ – *bírti* (*býra* < **bi-n-ra*, *bíro*) ‘сыпаться’ (*biréti*, *býra*, *biréjo* ‘то же’), *meřkti* (*meřkia*, *mérkē*) ‘мочить’ – *miřkti* (*miřksta*, *mírko*) ‘мокнуть’. Таких пар в литовском около сотни, вот лишь некоторые: *kélti* (*kélia*, *kéle*) ‘поднимать’ – *kílti* (*kýla* (< **ki-n-la*), *kílo*) ‘подниматься’, *teřkti* (*teřkia*, *teřkē*) ‘набирать’ – *tiěkti* (*tiěka*, *tiěkē*) ‘поставлять’ – *tíkti* (*tiňka*, *tíko*) ‘быть в состоянии’ (*tíktis* ‘случаться’; *tikéti*, *tiki*, *tikéjo* ‘верить’), *bařsti* (*bařdzia*, *bařdē*) ‘наказывать; заставлять’ – *busti* (*buñda*, *bùdo*) ‘просыпаться’ (*budéti*, *bùdi*, *budéti* ‘дежурить’), *dařbti* (*dařbia*, *dařbe*) ‘выдалбливать’ – *dúbti* (*dum̥ba*, *dúbo*) ‘вваливаться, впадать’, *pliekti* (*pliečia*, *pliekē*) ‘бичевать’ – *plíkti* (*pliňka*, *plíko*) ‘становиться лысым’ (*plikéti*, *plikéja*, *plikéjo* ‘оголяться, лысеть’), *dařzti* (*dařžia*, *dařžē*) ‘ударять, раскалывать’ – *dúžti* (*dúžta*, *dúžo*) ‘ломаться’, *meřkti* (*meřkia*, *mérke*) ‘мочить’ – *mirkti* (*mirksta*, *mírko*) ‘мокнуть’ *leňkti* (*leňkia*, *leňke*) ‘гнуть’ – *liňkti* (*linčka*, *liňko*) ‘гнуться’ (*linkéti*, *liňki*, *linkéjo* ‘желать’), *kláusti*

(*kláusia, kláuse*) ‘спрашивать’ – *klústi* (*klusta, klúso*) ‘подчиняться’, *láužti* (*láužia, láužé*) ‘ломать’ – *lúžti* (*lúžta, lúžo*) ‘ломаться’ (*lužéti, luži, lužéjo* ‘то же’), *veřsti* (*veřčia, veřtē*) ‘валить’ – *viřsti* (*viřsta, viřto*) ‘валиться; превращаться’ (*virtéti, viřti, virtéjo* ‘лежать поваленным’).

Эта словообразовательная модель охватывает как производные, так и первичные корни: 1) *pláusti* (*pláudžia, pláudē*) ‘мыть, полоскать’ – *plústi* (*plústa, plúdo*) ‘течь’, *plaňkti* (*plaňkia, plaňkē*) ‘плыть’ – *plùkti* (*pluňka, plùko*) ‘обливаться’; первичный корень – *pláuti* (*pláuna, plóvē*) ‘мыть’ – *plúti* (*plúna, plúvo*) ‘вытекать’. Таким образом, глаголы с полной ступенью вокализма иногда обозначают непереходное, но стабильное, регулярное действие, а глаголы с 0 ступенью – терминативное действие или процесс, то есть стремящийся к завершению. И эта их семантика еще более общая, чем непереходность. Ср. оппозицию двух переходных глаголов: *čiáupti* (*čiáuria, čiáirē*) ‘сжимать, держать сжатым’ – *čiùpti* (*čiùtpa, ciùpo*) ‘схватывать’. Оппозиция стабильного действия и стремящегося к завершению процесса налицо в: *mézhti* (*mězga, mězgē*) ‘связывать’ – *mìgztí* (*mýgta, mìzgo*) ‘запутываться’, *pléšti* (*pléšia, pléšē*) ‘рвать’ – *plyšti* (*plyšta, plyšo*) ‘трескаться, лопаться’. Глаголы *keǐsti* (*keǐcia, keǐtē*) ‘менять’ – *kìsti* (*kiñta, kito*) ‘меняться’ образованы от местоимения *kìtas* ‘иной, другой’ по аналогии с другими глагольными корнями: чередование ступеней корневого вокализма, ноевой инфикс в непереходном глаголе. Отметим своеобразную семантическую оппозицию в *liēpti* (*liēpia, liēpē*) ‘приказывать, побуждать’ – *lipti* (*lipa, lipo*) ‘подниматься, взбираться’; это наиболее, по-видимому, старая оппозиция, выраженная только вокализмом, без иных изменений основы. Этот глагол может быть сравнен, с одной стороны, с греч. *λίπτω* ‘хотеть, желать’ (также *λίπος* ‘жир’, *λίπα* ‘блестяще’), с другой стороны, с *lipti* (*limpa, lipo*) ‘прилипать’, древнеиндийским *limpáti* ‘смазывать, прилеплять’, а также с о.-слав. **lēpitil* / *lēpnoqtí* / *lipeti*. Последний глагол в словацком означает не только ‘прилипать, зависать’, но и ‘быть привязанным’, а также ‘стремиться, желать’. Это объясняет варьирование значений в корне и в греческом, и в литовском. Также следует отметить морфологическую близость литовского непереходного глагола с гот. *af-lifnan* ‘оставаться (в живых), выживать, пребывать’. Как и другие глаголы IV слабого класса, он характеризуется 0 ступенью. Некоторые его значения заставляют предположить значение начинательности, которое вообще характерно для этого готского класса. Таким образом, форма

**li-m-pé/ó-* ‘прилипать; присоединяться’ может претендовать на общеиндоевропейский статус: она представлена в балтийских, славянских, германских, древнеиндийском языках. От основы с 0 ступенью образуются глаголы с флексией *-i* в 3 л. и *-é-* в инфинитиве и претерите. Как можно убедиться, эти деривационные процессы характерны и для славянского глагола (о чём подробнее ниже).

Отметим еще один класс литовских глаголов, где презенс имеет полную ступень вокализма, а инфинитив и претерит – нулевую: *kiřpti* (*keřtra, kiřpo*) ‘резать, стричь’, *kiřsti* (*keřta, kiřto*) ‘рубить, ударять’, *likti* (*liěka, liko*) ‘оставаться’, *vilkti* (*velka, vilko*) ‘тащить; одевать’. Эти глаголы обозначают контролируемое субъектом действие, которое может привести к резкому изменению ситуации, но не создает новых сущностей.

Эти противопоставления – переходных и непереходных глагольных основ, презенсов и претеритов – сформировались путем передвижения акцента на конец словоформы, благодаря чему корень приобретал 0 ступень вокализма. Литовские претериты с 0 ступенью имеют то же происхождение, что и первично окситонные тематические аористы в древнегреческом и древнеиндийском: лит. *liko* почти пофонемно совпадает с др.-инд. *áricat*, греч. ἔλιπε ‘он оставил’. Исконное ударение в древнеиндийском сохранили формы без аугмента (*ricát*), в древнегреческом – императив (*λιπέ*), причастие (*λιπών*), инфинитив (*λιπεῖν*).

Оппозиции по диатезам, противопоставленные аблautом, как справедливо отмечали Ульянов и Фортунатов, характерны для славянских языков. Но здесь переходные глаголы, как правило, выражены вторичными основами индоевропейских каузативов и фреквентативов: со ступенью 0 корневого вокализма, суффиксом *-éie* > *-i-*. Такие глаголы представлены в литовском: *vaikýti* ‘гнать’ (*veīkti* ‘делать’), *laikýti* ‘держать’ (*likti* ‘оставлять’). Но этот тип не столь продуктивен, как в славянском. Что же касается непереходных глаголов, то в славянских языках, как и в балтийских, они образуются от слабой ступени корня. Вот несколько примеров: *гоубити* – *гыбнжти*, *оузити* ‘вязать’ – *влэнжти* (при наличии переходного глагола иного класса: *вазати*), *оучити* – (при) *выкнжти*, *гроузити* – (*по*) *гразнжти* (и с более старым, первичным инфинитивом *гразти*), *оудити* ‘коптить’ – *вланути* (и первичное *у-вять*), *боудити* – *бънжти* (ср. также первый переходный глагол со ступенью *e* корня: *блюсти*; глагол состояния *бъдъти* пофонемно совпадает с лит. *budéti*), *пражжити* –

пранжти (переходный глагол со ступенью *e*: *прагати*; отношение такое же, как у *соучити – съкати* ‘тянуть нитки’), чешск. *pruditi* ‘греть’ – *пранжти, прадати, мжчиti – маќнжти, лжчиti* ‘разделять’ – *съ-лжици* (< **lēk-ti*) ‘гнуться’, укр. *з-лякатися* ‘испугаться’; *соушити – съхнжти, сжчиti* ‘варить, сушить’ – *саќнжти, въсити – виснжти*’ (глагол состояния с суффиксом *-и- – висъти*). Как видим, славянские фреквентативы иногда противостоят простым переходным глаголам со ступенью *e*; их инфинитивы содержат суффикс *-a-*. Что же касается непереходных глаголов, то в них можно наблюдать любопытную особенность: суффикс *-нж-* характеризует презенс и инфинитив (хотя встречаются и бессуффиксальные инфинитивы), но не встречается в претерите. Это говорит о его общем происхождении с назальным инфиксом в балтийских и других индоевропейских языках.

Сложен вопрос о связи акцента с глагольным аспектом. Литовские претеритальные основы с 0 ступенью восходят к и.-е. тематическим аористам. Оппозиция презенса в полной ступени – аориста в 0 ступени характерна для древнегреческого: *λείπω* ‘оставлять’ – *ἔλιπον*, *φεύγω* ‘бежать’ – *ἔφυγον*; встречается и в древнеиндийском: *rōhati* ‘подниматься’ – *áruhat*. В славянских же языках имеются и подобные пары (*берж – бьрати, женж – гънати*), и пары с обратным распределением ступеней: полная ступень аориста и инфинитива vs. нулевая ступень презенса. К примеру, **тьгц – *терти* (ц.-слав. *мърж – мръти*), **тьгц – *терти* (русс. *тру – тереть*). Вопрос о причинах подобного распределения мы не будем сейчас рассматривать (см. [11]).

Взаимоотношение балто-славянских переходных и непереходных глаголов может быть описано с помощью трех фаз, предложенных Г. Кёлльном [10] и Ю. С. Степановым ([6]): 1-я фаза – достижение состояния: *я падаю*; 2-я фаза – момент критической точки, достижения переломного пункта в течении ситуации: *я упал*; 3-я фаза – состояние после критической точки: *я лежу*. Это можно проиллюстрировать парами из латинского языка: *iacio* (с перфектом в полной ступени *iēci*, супином *iactum*), *iacēre* ‘бросать’ → *iaceo* (производные перфект *iacui*, супин *iacitum*), *iacēre* ‘лежать’.

Таким образом, на основании исследований Г. К. Ульянова и Ф. Ф. Фортунатова можно описать диатезную оппозицию глаголов с различной ступенью корня и суффиксами (ср. также [12]). Глаголы с 0 ступенью соотносятся с глаголами полной ступени как *антикаузативы* (тогда как глаголы с полной ступенью выступают

по отношению к ним как каузативы), непереходные (в оппозиции к переходным), результативы. В свою очередь в зависимости от суффиксов глаголы с 0 ступенью делятся на *терминативные* (с презентным инфиксом *-n-* или суффиксом *-st-*) и *стативные*, или *результативные* (окончанием презенса в 3 л. *-i* и суффиксом инфинитива *-é-*). Для словаобразования характерна вариация значений; глаголы *čiáupti* и *čiúpti* не различаются своей переходностью, а глаголы *lúžti* и *lužéti* вообще не имеют существенных различий в значении. Следует отметить еще один важный нюанс в функционировании глаголов с 0 ступенью. Литовские глаголы могут терять переходность и путем присоединения возвратной частицы *-si/-s*: *kéltis* ‘подниматься’, *leñktis* ‘гибнуться’. Но при возвратных глаголах, как правило, субъект одушевлен и контролирует действие, при глаголах в 0 ступени – неодушевлен: *žtogùs kēliai* ‘человек поднимается’ – *véjas kylā* ‘ветер поднимается’; *mótē leñkiasi iš sunkùmo* ‘женщина сгибается от тяжести’ vs. *šakà liñksta* ‘ветка гнется’. В славянских же языках возвратные глаголы могут обозначать контролируемое действие, направленное на субъект, а глаголы, противостоящие им по диатезе, – неконтролируемый процесс: *тониться – тонуть, погрузиться – погрязнуть*. Иными словами, в глаголах с неактивной диатезой происходит процесс устранения активного деятеля – *defocusing of agent* [7: 19].

Кратко рассмотрим параллели к балтийским и славянским глагольным парам в других индоевропейских языках. В древнеиндийском нет оппозиции презенсов и аористов по переходности-непереходности, в древнегреческом она имеется: презенс с полной ступенью вокализма переходен; от него образуется переходный сигматический аорист. Если же от этого корня образуется тематический аорист, то он может быть непереходным и обозначать результат действия: *ἔρείπω* ‘ударять’ – *ἔρειψα; ἔριπον* ‘я упал’. От тематического аориста образуется назальный презенс – как и в литовских глаголах с 0 ступенью вокализма на *-n-*: *ἔλιπον* → *λιμπάνω, ἔφυγον* → *φυγγάνω*. Иногда такие варианты – полная ступень с сигматическим аористом vs. 0 ступень с тематическим аористом и назальным презенсом – становятся разными лексемами: *τεύχω* (*ἔτευξα*) ‘строить’ – *έτυχον* (*τυγχάνω*) ‘случаться’. Но сигматический аорист может быть и равнозначным тематическому: *τρέπω* ‘поворачивать’ – *ἔτρεψα* и *ἔτραπον*; *πέριθω* ‘разрушать’ – *ἔπερσα* и *ἔπραδον*. Г. Кёлльн [10: 21] полагал, что это глаголы с особой семантикой: они обозначают либо

чисто внешнее воздействие на объект, либо серьезное, но разрушительное («деструктивная переходность» в отличие от «креативной переходности» глаголов типа *τεύχω*). Представляется, что литовские глаголы с полной степенью в основе презенса и нулевой – претерита можно отнести к той же категории.

Каковы же индоевропейские истоки этих суффиксов? Ф. Ф. Фортунатов чрезвычайно проницательно заметил, что суффикс *-ē-* в претерите переходных глаголов и инфинитиве непереходных имеет различное происхождение. Эта морфема в претерите переходного глагола до сих пор загадочна. Ю. С. Степанов (см.: [5], [6: 121]) полагал, что формы такого претерита происходят из сигматического аориста, где суффикс *-ē-* заменил **-s-*. С этим в принципе можно согласиться, но все же происхождения самой морфемы это не объясняет. Единственное, что более-менее ясно, это то, что во избежание омонимии с переходным глаголом к основе претерита глаголов состояния был присоединен суффикс *-jo-*.

Литовские глаголы состояния оказались весьма близки к славянским. Еще в 1973 году Джей Джезнов [9], рассмотрев такие пары, как лит. *mînti* (*mëna*, *mînë*) ‘помнить’ – *minéti* (*mini*, *minéjo*), показал их связь и со славянскими глаголами состояния, и с германским III классом слабых глаголов. В германском эти глаголы характеризуются суффиксом *-ai-* в готском / *-ē-* в древневерхненемецком: *þahan* ‘молчать’ (3 л. **þahaip*) / *dahēn*. Последняя форма пофонемно соответствует лат. *tacēre* ‘молчать’. Окончание 3 л., по мнению Джезнова, отражает перфектное и медиальное **-ei*, к которому вторично присоединилось *-þ* по аналогии с другими глаголами. Можно привести впечатляющую параллель: древнеиндийская форма так называемого бездентального междия *duhé* ‘(корова) доится’ (в оппозиции к 3 л. мн. ч. *duhaté* < **duh-ntái* ‘они доят для себя’) и др.-исл. *duger* ‘подходит, годится, приносит пользу’. В древнескандинавском окончания глаголов III класса нивелировались. Но характерно, что в других германских языках этот глагол относится к претерито-презентным со степенью *o* (гот. *daug* (безлично) ‘подходит, годится’). Древнескандинавская же форма сохранила 0 степень; на ее основании можно восстановить пра-германское **dugai(þ)*, пофонемно совпадающее с *duhé*. Германские основы с 3 л. *-ai-* и суффиксом *-ē-* оказались, во-первых, тесно связанны с друг с другом, во-вторых, с латинскими глаголами на *-ē-*, значительная часть которых выражает состояние: *sedāre* ‘сажать’ – *sīdēre* ‘садиться’ –

sedēre ‘сидеть’, ср. *possīdēre* ‘захватывать’ – *pos-sīdēre* ‘владеть’; упоминавшееся *iacēre* – *iacēre*. Мы видим здесь такое же стативно-результативное значение, как у балто-славянских глаголов с аналогичным гласным в инфинитиве. Таким образом, стативы на *-ē-* – изоглосса, охватывающая по крайней мере балтийские, славянские, германские и итальянские языки. По мнению Джезнова, литовское *-i* как окончание 3 л. восходит к той же флексии, что и германское *-ai-*, а также ведическое *-e#<*-ai*. Однако в настоящее время лингвисты смотрят на ее происхождение иначе. Опираясь на славянский материал, Йенс Расмуссен [13] постарался восстановить особую индоевропейскую категорию статива – класса производных глаголов с суффиксом **-io-* в презенсе и *-ē-* в аористе. Параллели балто-славянским стативам нашлись в древнегреческом. В нем известен пассивный аорист с суффиксами *-θη-/-η-*: *δάμνημι* ‘подавлять’ – *ἐδμήθη* / *ἐδάμη* ‘он был подавлен’. Происхождение первого суффикса до сих пор дискуссионно. Второй же четко соотносится с упомянутыми глаголами состояния. И он может образовывать не только пассивные аористы, но и аористы от глаголов внутреннего состояния: *μαίνομαι* ‘безумствовать’ – *ἐμάνην* (почти пофонемно совпадающие с лит. *mini*, *minéjo*; оба презенса – и с др.-инд. *tánuate* ‘думать’), *χαίρω* ‘радоваться’ – *ἐχάρην*. Такие аористы обозначают и результат: *καίω* ‘жечь’, *καίομαι* ‘гореть’ – *ἔκην* ‘я сжег’ vs. *ἔκάη* ‘сгорел’. Ю. С. Степанов нашел следы и аориста на **-ō-*: *ἀλίσκομαι* ‘меня выбирают’ – *ἐάλων*. Эту морфему он сравнивает и с суффиксом *-o-* в литовских непереходных глаголах (где он, по его мнению, замещает тематический гласный аориста), и с суффиксом результативных глаголов, обозначающих 3-ю fazu: *karótí* (*kāro*, *karójo*) ‘висеть’ (*kárti*, *kāria*, *kórē* ‘вешать’); *kyšoti* (*kýšo*, *kýsojo*) ‘торчать’ наряду с *kyshéti* (*kýši*, *kýshéjo*) ‘то же’ (*kísti*, *kíša*, *kíšo* ‘совать, вставлять’). В древнегреческом же сложился небольшой, но представительный класс с презенсом на *-io-* и аористом *-η-*. Первый находит параллель также и в древнеиндийском пассиве: *dadhāti* ‘ставить’ – *dhīyáte* ‘быть поставленным’. Долгота корневого гласного может объясняться наличием ларингала в суффиксе. Ср. *runáti* ‘очищать’ – *rīyáte* ‘очищаться’. В настоящее время [14] многие лингвисты говорят о двух связанных категориях: собственно *стативе* с суффиксом **-Hio-*, то есть непереходном презенсе со значением состояния, и *фиентиве* с суффиксом **-eh_j-*, то есть аористе со значением момента достижения состояния.

Как мы могли убедиться, балтийские назальные презенсы также имеют достаточно широкие параллели в других индоевропейских языках. Но Фортунатов отмечает и то, что в литовском есть назальный суффикс с фактитивно-каузативным значением:ср. *áugti* ‘расти’ – *auginti* ‘выращивать’. Особенno показательна оппозиция инфиксa *-n-* и суффикса *-in-:* *blùkti* (*bluñka*, *blùko*) ‘блекнуть’ – *blukinti* (*blukìna*, *blukìno*) ‘отбелить’. Явно общие по происхождению морфемы имеют противоположное значение. Разгадка этого феномена состоит в том, что инфикс находится в первично окситонной глагольной форме, а суффикс – в исконно баритонной форме. Первая, как мы установили, часто обозначала

неконтролируемый процесс / состояние, вторая – действие, имеющее следствием это состояние. Этим и объясняется различие в функции и значении вариантов морфемы. Попутно отметим, что назальные инфиксy в атематических глаголах образуют каузативы также в хеттском: *harzi* ‘умирать’ – *harnikzi* ‘убивать’; *ari* ‘достигать’, *artari* ‘стоять’ – *arnuzi* ‘поднимать’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, как показали два выдающихся русских лингвиста, залог и диатеза глагола оказались тесно связаны с его апофонией, ступенями вокализма корня и суффикса, которые в конечном итоге обусловлены местом ударения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ульянов Г. К. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Ч. 1: Основы, обозначающие различия по залогам. Варшава, 1891. 308 с.; Ч. 2: Основы, обозначающие различия по видам. Варшава, 1895. 341 с.
- ² Фортунатов Ф. Ф. Критический разбор сочинения профессора Императорского Варшавского университета Ульянова Г. К. «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Части I–II (Варшава, 1891–95 г.)». СПб., 1897. 158 с.
- ³ В формулировке Ф. Ф. Фортунатова: «Эти формы обозначают, слѣдовательно, сами по себѣ, безъ отношенія ихъ къ формамъ словоизмѣнения глагола, различія между признаками, которые производятся субъектами этихъ признаковъ, и признаками, которые происходятъ въ субъектахъ, хотя при этомъ самые субъекты признаковъ этими формами не обозначаются» (Фортунатов Ф. Ф. Указ. соч. С. 10).
- ⁴ Там же. С. 19.
- ⁵ При фиксации этих пар мы будем указывать также образованные от того же корня глаголы состояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б е н в е н и с т Э. Индоевропейское именное словообразование. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 260 с.
2. Грамматика литовского языка / Глав. ред. В. Амбразас. Вильнюс: Мокслас, 1985. 800 с.
3. К р а с у х и н К. Г. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М.: Языки славянской культуры, 2004. 452 с.
4. Н и к о л а е в А. С. Индоевропейские акцентно-аблаутные парадигмы и их отражение в древнегреческом языке. СПб.: Наука, 2010. 437 с.
5. С т е п а н о в Ю. С. Славянский глагольный вид и балтийская диатеза // IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 335–363.
6. С т е п а н о в Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 248 с.
7. A b r a h a m W. Introduction: Passivization and typology. Form vs. function – a confined survey into the research status quo // Passivization and typology: Form and function / Ed. W. Abraham, L. Leisiö. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. 553 p.
8. H i r t H. Der indogermanische Ablaut mit seiner besonderer Beziehung zum Akzent. Halle, 1900. 220 s.
9. J a s a n o f f J. The Germanic third weak class // Language. 1973. Vol. 49. P. 65–74.
10. K ö l l n H. The opposition of voice in Greek, Baltic, and Slavic. Copenhagen: Einar Munksgard, 1969. 65 p.
11. K r a s u k h i n K. G. The Indo-European aspect-tense system and quantitative ablaut // Internal reconstruction: Selected papers of XVI ICHL (J. E. Rasmussen, Th. Olander, Eds.). Copenhagen: Museum Tusculanum, 2009. P. 151–169.
12. O t r ę b s k y J. Gramatyka języka litewskiego. Warszawa: PWN, 1958. 567 s.
13. R a s m u s s e n J. E. The Slavic i-verbs with an excursus on the Indo-European ē-verbs // Comparative-Historical linguistics: Indo-European and Finno-Ugric papers in honor of Oswald Szemerényi I (B. Brogyany, R. Lipps, Eds.). Amsterdam; Philadelphia, 1993. P. 475–488.
14. R i x H. Vorwort // Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden: Reichert, 1998. 754 s.

Konstantin G. Krasukhin, Doctor of Philology, Institute of Linguistic,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
krasukh@mail.ru

VERBAL DIATHESIS IN THE BALTIc AND SLAVIC LANGUAGES IN THE LIGHT OF THE DOCTRINE OF GRIGORY K. ULYANOV AND PHILIPP F. FORTUNATOV

The article deals with the opposition of Lithuanian and Slavic cognate verbs with the full and zero grade of root vocalism, investigated by Grigory K. Ulyanov and Philipp F. Fortunatov. Full grade verbs are transitive, they denote the actions that the subject can control. Zero grade verbs denote the processes and/or states uncontrolled by the subject, caused by the actions, expressed by full grade verbs. The author argues that the meaning of intransitivity or “anti-causativity” is one of the meanings connected with shifting the stress to the right, towards the end of the word form. The relevance of the paper is due to a great role of the simultaneous reconstruction at several levels of language (i. e., accentuation, ablaut and morphosemantics). Its novelty lies in the regular application of apophonic approach to the verbal morphology and meaning of verbal stems.

Keywords: verb, morphology, morphophonology, verbal voice, diathesis, ablaut

Cite this article as: Krasukhin K. G. Verbal diathesis in the Baltic and Slavic languages in the light of the doctrine of Grigory K. Ulyanov and Philipp F. Fortunatov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 5. P. 24–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.495

REFERENCES

1. Benveniste E. The Indo-European nominal derivation. Moscow, 1955. 260 p. (In Russ.)
2. The grammar of the Lithuanian language (V. Ambrazas, Ed.). Vilnius, 1985. 800 p. (In Russ.)
3. Krasukhin K. G. Aspects of Indo-European reconstruction: Accentuation. Morphology. Syntax. Moscow, 2004. 452 p. (In Russ.)
4. Nikolaev A. S. The Indo-European accent-ablaut paradigms and their reflex in the classical Greek language. St. Petersburg, 2010. 437 p. (In Russ.)
5. Stepanov Yu. S. Slavic verb voices and Baltic verbal diathesis. *IX International Congress of Slavists: Reports of the Soviet delegation*. Moscow, 1978. P. 335–363. (In Russ.)
6. Stepanov Yu. S. Indo-European sentence. Moscow, 1989. 248 p. (In Russ.)
7. Abraham W. Introduction: Passivization and typology. Form vs. function – a confined survey into the research status quo. *Passivization and typology: Form and function*. (W. Abraham, L. Leisiö, Eds.). Amsterdam; Philadelphia, 2006. 553 p.
8. Hirt H. Der indogermanische Ablaut mit seiner besonderer Beziehung zum Akzent. Halle, 1900. 220 s.
9. Jasanoff J. The Germanic third weak class. *Language*. 1973. Vol. 49. P. 65–74.
10. Kölln H. The opposition of voice in Greek, Baltic, and Slavic. København, 1969. 65 p.
11. Krasukhin K. G. The Indo-European aspect-tense system and quantitative ablaut. *Internal reconstruction: Selected papers of XVI ICHL* (J. E. Rasmussen, Th. Olander, Eds.). Copenhagen, 2009. P. 151–169.
12. Otrebsky J. Gramatyka języka litewskiego. Warszawa, 1958. 567 p.
13. Rasmussen J. E. The Slavic i-verbs with an excursus on the Indo-European ē-verbs. *Comparative-Historical linguistics: Indo-European and Finno-Ugric papers in honor of Oswald Szemerédy*. (B. Brogyany, R. Lipps, Eds.). Amsterdam; Philadelphia, 1993. P. 475–488.
14. Rix H. Vorwort. *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden, 1998. 754 s.

Received: 16 March, 2020